

Опубликовано:

Сенявская Е.С. «Нас соединил долг и общее дело...» // Красная звезда. 1993. 9 октября.

Сенявская Е.С. «Я горд тем, что могу быть полезен России...» // Источник. 1996. № 3. С. 12-30.

А.Н. Жиглинский. «Я горд тем, что могу быть полезен России...» (Письма русского офицера) //

Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 111-135.

«Я ГОРД ТЕМ, ЧТО МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН РОССИИ»

(ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА)

Эти письма – с фронта Отечественной войны. Именно так в 1914 году называли современники Первую мировую. И молодые, образованные люди уходили на нее добровольцами, чтобы пролить кровь за Россию. Уцелели немногие. Но их судьба оказалась трагичнее и горше, чем у других, погибших на поле Славы.

Александр Николаевич Жиглинский родился в октябре 1893 года в Москве, в обедневшей дворянской семье. Рано начал писать стихи, играл в студии Художественного театра. Закончив гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Началась война. В 1915 году он оставил учебу и уехал в Петроград – поступать в Михайловское артиллерийское училище. И вот вчерашнему юнкеру присвоено офицерское звание, и в феврале 1916 г. прапорщик Жиглинский отправляется на Западный фронт. Март 1916-го – Нарочская наступательная операция. Июнь-июль – печально знаменитые Барановичи... А в Москву, на Среднюю Пресню, дом 20, квартира 2, идут удивительные письма (иногда по несколько в день, иногда в стихах) – маме, тете, деду, кузенам. И в каждом - любовь к Родине, оптимизм и вера в победу: «Я – русский, и всякий русский должен думать подобно... Я горд тем, что могу быть полезен России... Поймите меня!» Последним пришло с фронта стихотворное послание к деду, откровенно пророческое – о трагических судьбах Отечества и своей собственной: «Не мир идет, но призрак грозной плахи, кровавую разинув пасть...»

Спустя несколько дней, в начале декабря 1916-го, во время газовой атаки неприятеля одному из солдат не хватило противогаза и подпоручик Жиглинский отдал ему свой. В воспоминаниях А.Д.Сахарова описан похожий случай, который произошел на том же участке русско-германского фронта: «Я помню рассказ отца с чьих-то слов об офицере, который отказался надеть свой единственный во взводе противогаз и погиб вместе с

солдатами»¹. Не исключено, что речь здесь идет именно об Александре Жиглинском, хотя возникшая легенда, как всегда, приукрасила события. В действительности отравление было тяжелым, но герой остался жив. После госпиталя его послали в санаторий в г. Мисхор, «к южным звездам и теплому морю», на берегах которого он прожил четыре года, – в стороне от двух революций и Гражданской войны. Зарабатывал на жизнь репетиторством, играл в театре-кабаре, женился, придумал имя для будущего малыша... Когда большевики заняли почти весь Крым, двоюродный брат Евгений Гибшман, волей судьбы офицер армии Врангеля, разыскал его в Симеизе и уговаривал вместе бежать в Европу. Александр отказался. Он был далек от политики и не чувствовал за собой вины перед «народной властью». Да и молодая жена ждала ребенка...

Александр Жиглинский был расстрелян в начале декабря 1920 г. в Крыму в период массовых казней офицеров, явившихся для регистрации по требованию Советской Власти.

Спустя две недели после его гибели появилась на свет дочь Евгения. Это она пронесла через всю жизнь, сберегла документы отца. В 1990 г. их копии были переданы на хранение в Центр Документации «Народный Архив». Подлинники писем и фотографии по-прежнему хранятся у Евгении Александровны Жиглинской.

Публикация подготовлена
доктором исторических наук
Е.С. Сенявской

---

¹ См.: Знамя. 1990. № 10. С. 9.

№ 1

К матери - Анне Евгеньевне Жиглинской

6 февраля 1916 г.
Действующая армия

Вы, конечно, дорогие мои, не можете себе представить, как приятно получить из дому посылку. Впрочем, вы сами знаете: приятное, волнующее чувство при виде чего-то запакованного, таинственного. Обычно около посылки толпится вся семья и каждый предлагает свои услуги по распаковке. На этот раз толпился около посылки я сам, один. В дверях толпился Райский². Когда я с удивлением вытащил из гитарной картонки колбасу, нежно прижавшуюся к грифу, и издал возглас удивления, Райский не вытерпел и подошел: «Хе! Да то ж ковбаса!» – что я и подтвердил с чувством какой-то гордости и полным непонятной нежности к этой уродливой, смешной колбасе, – я готов был поцеловать ее... Когда я стал распаковывать посылку, то Райский было предложил свои услуги, но я уж тут находил сам выполнить эту интересную процедуру, и он остался стоять, рефлекторно шевеля пальцами руки, как бы принимая участие. (Между прочим, я могу почти наверно утверждать, что он шевелил и пальцами ноги!) Когда я на него взглядывал, он виновато переступал с ноги на ногу, будто хотел сказать: «что же делать – ведь я не получаю посылок». Наконец было все извлечено из мешка, и я тут лишь утолил давно мучившую меня жажду, которой раньше не чувствовал. Спасибо тебе, моя муся, за все присланное, жаль лишь, что все дорого. Большое спасибо всем принимавшим участие в отсылке, упаковке и покупках – спасибо! Ночи стоят дивно месячные, можно свободно читать. Немножко морозно, немножко днем оттепель, Стою в деревне (на 2-ой странице)³. Самые большие центры – маленький городок в 8-ми верстах (на 1-ой странице, старый фокус)⁴, да местечко верстах в 5-ти – 6-ти (в конце письма)⁵. Езжу к Наде⁶. Завтра она собирается приехать ко мне в гости. Я очень рад этому. Что ты мне не напишешь, кто был у нас, кроме солдата. Был ли дивизионный, был ли офицер Петров, был ли вольноопределяющийся? Передали ли вам мою посылку? Нужно ли тебе холста, могу прислать много, сколько ты захочешь.

² Денщик А.Н. Жиглинского

³ В письме - из соображений военной цензуры - зашифровано место службы. Родные так и не сумели разобрать этот шифр. На стр. 1 сбоку написано: «Николай 2 раза Сережа Вася 3 раза Жиглинский 3.»

⁴ На стр. 2: «Вася три раза сообщает 4 р. когда 1 р. лучше 3 р. поехать 1 р.»

⁵ На последней странице письма: «Сережа Николай 4 раза Вася».

⁶ Московская знакомая А.Н. Жиглинского, фельдшерница Н.П. Субильная.

Я вполне здоров. От души жалею бедную бабуся, бедного дедушку. Желая им поскорее поправиться, чтобы к моему приезду я их нашел бы здоровыми и веселыми.

Пока до свидания, целую всех крепко, крепко. Еще раз благодарю за посылку и гитару. Сижу сейчас и бренчу от души.

Любящий тебя сын Александр.

P.S. Рад за тетю, что она устроилась.

Из личного архива Е.А. Жиглинской. Подлинник.

№ 2

К матери

9 февраля 1916 г.
Действующая армия.

Здравствуй, моя дорогая, милая мамочка!

Вчера и сегодня ждали в обозе командира бригады, приготовили людей, лошадей и описи – не приехал. Задержал его прощальный обед и проводы начальника нашей 4-й армии, генерала К., героя японской войны, нашего общего любимца. Офицерство о нем страшно сожалеет. Сейчас у нас, на фронте, только и толков, что о взятии Эрзерума⁷. Эту хорошую весть я узнал еще 4-го числа, утром. Весть эта еще больше усилила воодушевление наших молодцов-солдат. Впрочем, я говорю «воодушевление». Это не столько воодушевление, сколько горячее желание идти скорей вперед, под впечатлением зимовки, нудной, порядком надоевшей высидки на одном месте, в ожидании больших запасов снарядов и вооружения и яркого весеннего, теплого солнышка. Заждались солдатики, засиделись. Кого не спросишь: «Что, брат, надоело сидеть?» – сейчас обветренное, простое лицо передернет от нетерпения: «Эх, Ваше благородие, да сейчас-то все мы хотим вперед бы. Снаряды есть, можем лезть...» А в нашей бригаде все уж обстрелянные, опытные солдаты, многие с начала кампании, почти все; видали они многолько тяжелого, испытали и всю радость успешного наступления, пережили тяжелую безснарядную эпоху, когда на очереди торжествующего «германа» редко-редко отвечали одиночным выстрелом (для пехоты – больше), а то просто меняли позицию, не будучи в силах отвечать на ураганный огонь, имея в передках по 8-ми патронов, когда приходилось уступать врагу землю, так тяжело нам доставшуюся, отвоеванную нашей кровью. И эти солдаты не пали духом, наоборот, ждут и ждут того дня, когда с обновленными силами можно будет двинуться вперед, уже к окончательной победе и с уверенностью в светлое будущее. Что у вас там плачут в тылу? Здесь, под непосредственной опасностью, лицом к лицу со всеми ужасами теперешней войны, люди не плачут, не горюют, полны только энергии и веры в будущее, даже имеют возможность весело пошучивать в своем кругу, здесь не встретишь грустной, траурной физиономии: на лицах написаны спокойствие и уверенность. Ухо слышит не жалобы, а совсем посторонние речи, которые дышат чем-то семейным; о войне – в смысле подсчета результатов, о изменах, ужасах – здесь не говорят, досуг посвящается смеху и болтовне. А у вас что? Берите пример с бойцов, вы, жалобщики! Приедет офицер из отпуска, из родной Москвы, из Петрограда (особенно из этого Петрограда) – сейчас спрашиваешь его: «О чем, как, что говорят?» – «Э, черт, только душу вымотал, режут, как коровы, жалуются! Здесь больше отдыха!..» – Что было бы, если бы мы плакать стали? А? Я что, я молодой офицер, еще ничего не видал, но говорю со слов других. Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! – Узкая, длинная

⁷ Так в письме. Турецкая крепость Эрзурум была взята штурмом русской Кавказской армией 3 февраля 1916 г.

землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры, вроде скачек, «трик-трак» и т.д. Шахматы, шашки... В одном углу взрывы смеха – там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием, прислушивается, крутит головой, улыбаясь, между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном «Вниз по Волге-реке» и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: «...выплывали стружки...» Поет и седой генерал, и молодой прапор... За длинным, самодельным, белым столом сидит не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное – дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе, - всех соединил долг и общее дело...

На днях была у меня в гостях Надя с подружкой – сестрой⁸. Я их увез, как бывало в старину увозили тайком девушек из родительского дома. У них страшно строгий заведующий и печется о них, как о дочерях, чтобы на его отряд⁹ не легло ни малейшей тени. Они его и называют в шутку «папа».

В обозе скучно. Единственное развлечение – чтение и поездки в отряд, в батарею... В халупе у меня довольно уютно. Глиняный пол я устлал здешними «фабряными» холстами, кровать огородил полотнищами палаток. На стенах – картинки Борзова «Времена года», портреты Государя, кривое зеркальце, полукатолические бумажные иконы, оружие, платье, гитара, окна завешены холстом. В углу глинобитная, выбеленная печь. На столе горит свеча в самодельном подсвечнике из банки из-под какао, лежат газеты, бумаги и рапорты, книги и карандаши и т.д. На улице холодно, сыпется сухой снег и повевает метелица. В печке весело потрескивают дрова и золотят блеском огня пол, скамьи вдоль стены. За дверью, на кухне слышны голоса мирно беседующих хозяев и денщика.

Если тебе интересно, то посмотри в № 30 «Русского Слова» за 7-ое февраля статейку под названием «Идут молодцы-солдаты», – это пишут про ближайшую деревеньку от нашей батареи, что я узнаю по многим данным. Называется она тоже с буквы Ч.

Как живы бабуся и деду?

Желает всем, всем, всем всего лучшего и крепко целует тебя и всех

твой сын Александр.

⁸ Сестрой милосердия.

⁹ Отряд Красного Креста.

№ 3

К деду – Евгению Никифоровичу Сынгаевскому

17 февраля 1916 г.
Дер. Высокая Липа.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Милый диду, я в обозе,
Скуки мало – меньше лень,
На ветру и на морозе
Нахожусь почти весь день.

То занятя, то читаю,
То забудусь в крепком сне,
То поездку совершаю
На своем большом коне.

Проверяю караулы,
Обхожу коней, солдат...
Часто, впрочем, уезжаю
На пятнадцать верст в отряд.

Книги есть, «чего же боле»?
В них найду «живы слова».
Здесь, притом, в своей я воле,
Сам себе я голова!

Ну, а то, что нет «gaiies choses»¹⁰,
Это, дедушка, вопрос!

Хоть насчет прекрасных скупо,
Но случается подчас,
Иногда в моей халупе
Встретить пару черных глаз.

Часто, в тихие морозы,
Иль с попутным ветерком,
Достигает до обоза
Отдаленный пушек гром.

---

¹⁰ Радостных вещей (фр.)

*То вдали, на бранной ниве,
За кольцом лесов и гор
Два врага ведут лениво
Свой обычный разговор.*

*Если ясно, тихо – скоро
Гостя шлет коварный враг.
Чу! В прозрачных небесах
Слышен резкий звук мотора.*

*Там, пронизанный лучами,
Отражая небосвод,
Пролетает самолет
С двумя черными крестами.*

*Смерть с собой несет пират,
Но орудия не спят.*

*Вкруг воздушного пирата,
Рядом, сверху и над ним,
Будто хлопья дыма, ваты, –
От разрывов белый дым.*

*Это птичке неприятно,
Хоть и трудно самолет
Сбить долой, – скорей обратно
Направляет руль пилот...*

*Часто, ставя в сено ноги
И закутавшись в азам,
По скрипучей мчусь дороге,
В легких санках, по гостям.*

*С кладью легкой и громоздкой,
По пути телег хвосты,
У селений, перекрестков
С белой юбочкой кресты¹¹.*

*По дороге взор встречает
Села, фольварки¹², завод,
Два солдата провожают
Пленных с утренних работ.*

---

¹¹ У здешних крестьян обычай украшать придорожные кресты полотенцами или материей, похоже, как будто юбочка. (Прим. автора вместе с рисунком креста).

¹² Фольварк - хутор. (Прим. автора).

*Бодры все, кой-кто смеется,
Им легко в плену живется.*

*Деревянный «Свентый Ян»¹³,
Лип столетних вереница
И у каменной каплицы¹⁴
Группа набожных крестьян.*

*Будто буря роковая
Не коснулась здешних мест,
Лишь войска да «Красный Крест»
О войне напоминают.*

*Супротив друг друга стоя,
Русский витязь и герман
Под личиною покоя
Замышляют хитрый план.*

*Дух могуч прошедшим горем
И невзгодой этих дней,
«Будет буря - мы поспорим!
И поборемся мы с ней!»*

*«Тщетны Россам все препоны»,
Дорога России честь,
Есть снаряды, есть патроны,
И в победу вера есть.*

*Близок светлый день Отчизны,
Прозвучит победы гром
И для новой, светлой жизни
Мы вернемся в отчий дом...*

*До свиданья, диду милый,
Пожелаю быть бодрей
И хранить живые силы
Для грядущих, ясных дней.*

*И бабусям, и тебе:
Ничему не удивляться,
Не болеть, не волноваться
И не верить злой судьбе.*

---

¹³ Деревянная, раскрашенная и изукрашенная полотенцами фигура святого ставится у дорог, прудов и т.д., считается покровителем дорог. (Прим. автора).

¹⁴ Каплица - часовня. (Прим. автора).

---

*Всем желаю не хворать,
Не бывать в тоске и скуке,
О племяше, сыне, внуке
Всех прошу не забывать.*

Александр Жиглинский.

Личный архив Е.А. Жиглинской. Подлинник.

№ 4

К двоюродному брату – Евгению Владимировичу фон Гибшман

4 марта 1916 г.
Действующая армия.

Ты ошибаешься, милый мой Женюрка, что я тебя забыл.

Совсем напротив, скорей ты меня забыл, так как не ответил мне на мое первое письмо, посланное еще в январе. Я живу очень однообразно. Сейчас я назначен начальником обоза 2-го разряда (еще с 30-го января), доживаю в обозе последние дни, так как на днях поеду обратно в батарею. Начинаются бои, и сидеть в обозе очень скучно без дела. Теперь вот уже три дня, как грохочет артиллерия наша и тевтонская, так усиленно, как давно уж не было. К нам подвезли массу артиллерии и тяжелой, и легкой, и мы начинаем понемногу гвоздить германа, которого скоро и погоним в три шеи отсюда. Целые дни на горизонтах висят «колбасы», корректируя стрельбу, вдали виднеется (ночью) зарево от горящих деревень, по солнечным дням шныряют самолеты, иногда появится и цеппелин. Через деревни и местечки гонят пехоту и артиллерию, обозы. На окопах и проволочных заграждениях тыла копаются крестьяне и крестьянки, пленные разравнивают дорогу, настилают мосты, гати. Обозы чинятся, чистятся; наезжают ревизии и происходят смотры. Мне делать почти что в обозе нечего. Жру, толстею, лежу, читаю, езжу верхом, проверяю караулы, занимаюсь с солдатами и делаю визиты в батарею и в отряды¹⁵. Живу в теплой, просторной халупе, здоров, как стадо быков. Только скучно иногда. Нервы как будто не существуют. Здесь, на позициях, во много раз лучше жить, чем в тылу. Спокойно на душе, по крайней мере.

Я еще не снимался офицером. Когда поеду в Минск¹⁶, тотчас снимусь и тебе пришлю свою фотографию немедленно. Пришли и ты мне свою...¹⁷

ЦДНА. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 19-20. Ксерокопия.

---

¹⁵ Нарисован Красный крест.

¹⁶ В Минске располагалась ставка Западного фронта.

¹⁷ Конец письма не сохранился.

№ 5

К матери

8 марта 1916 г.
Действующая армия.

Здравствуй, моя желтенькая мамочка!

Сегодня приехал из маленького жидовского городка, где был 6-го на духовном концерте, православно-католическом, устроенном в пользу сирот воинов, местным комитетом Красного Креста. Остановился в городе у нового моего знакомого, некоего пана Обухович, который меня и пригласил на этот концерт. Хотя в концерте ничего особенного и не было (для меня), хотя участвовали хорошие (сравнительно) артисты – тенор Киевской оперы, недурный скрипач, пианист и т.д. Исполняли старые вещи различных композиторов русских и иностранных, но все-таки это вносило разнообразие в однообразную жизнь позиций...

Познакомился с женой пана Марина Обухович, симпатичного, глухого литвина – пани Яниной. Погостил у них еще день, вняв усиленным просьбам хозяев и их детей, с которыми я, конечно, сразу подружился, особенно со старшей, девятилетней девчуркой, которая была расположена ко мне еще больше, чем можно было предположить, и сегодня даже, при расставании, пролила слезы. Люди очень милые и ласковые, предупредительные. Они – здешние помещики и в городе живут временно. За этот короткий промежуток времени я выучился по-польски настолько, что мог понимать почти свободно их речь, а ребята выучили меня читать.

Жизнь моя течет по-старому, так же монотонно, как и раньше. Ради развлечения завел дружбу со здешними крестьянскими ребятишками. Они своими шалостями, пением и танцами немного меня развлекают. Недавно приходил ко мне мужичок и подал прошение, жалобу, вернее, о порубке у него в лесу. Он, к моему удивлению, оказался дворянином, столбовым, с гербом и чем угодно. Такой экземпляр я встречаю первый раз. Совершенно неразвитый, в интеллектуальном смысле человек, такой дубоватый и полуграмотный. В физиономии нет никаких почти признаков старого рода, впрочем, нос тонкий, изящный, породистый.

У нас начинается весна, по дорогам ни проехать, ни пройти; лужицы стали озерами; стали желто-густинные жнивья и черные, вязкие поля с редкой зеленой травкой всходов; теплые ветры вертят мельничные крылья; над черной, с белыми и грязными мазками снега, землей, звенят невидимые жаворонки, а в ясном, сверкающем голубизной небе, с

прыгающим, дурашливым солнцем и пушистыми, наивными облачками, – летят гуси, крикая и крича, и то вытянувшись в цепочку, то строясь треугольником, то отсылая в стороны разведчиков, спускаясь к родной земле и вновь взмывая в недостижимую высь звонкого воздуха... А подле дороги – линия окопов, волчьи ямы, проволочные заграждения и колючие петли, на низеньких столбиках... Солдаты, целый батальон солдат, которых объезжаю галопом... Австрийский пленный, с лопатой под мышкой, плоско козыряющий, щурится из-под загорелой руки...

Целую тебя и всех, всех.

Твой сын Александр.

Там же. Л. 20-22.

№ 6

К матери

19 марта 1916 г.
Действующая армия.

Милая моя мамочка!

За эти несколько дней, как мы с тобой не беседовали, произошло несколько встреч у меня с нашими общими знакомыми. Меня все еще не переводят из обоза и 3-го дня я ездил хлопотать о переводе на батарею. Там я встретился с Яковом Мих., который со своей батареей (гаубичной) стоит в той же деревне, где наш дивизион. Он просил кланяться тебе и всем нашим. А еще шлет свой привет Вал. Николаевич, которого я встретил на станции, где отряд Нади. Его рота стоит верстах в 8-ми от нашего обоза. Скоро ее переведут, а куда - он сам не знает. Шлет привет и Надя. Она живет в самом неприятном месте, на станции, которая ежедневно (в хорошую погоду) обстреливается бомбами с аэроплана. Я был как раз во время обстрела, стоя на крыльце и наблюдая аэроплан, при появлении которого все живое стало удирать во все стороны, прячась под вагоны, в землянки и блиндажи, в сено и дрова. Доктора моментально поползли в комнаты и залезли (как я потом узнал) под столы. Скоро полетела и бомба. Очень был неприятен ее свист (пропеллера на ней), нечто вроде сирены, я даже струхнул, но офицеру удирать стыдно, да и все равно на войне мне не погибать. Потом послышался страшный взрыв. Из соседних домов полетели стекла, в воздух взвилась туча грязи и обломков. Все, впрочем, обошлось благополучно, Из 10-ти бомб, брошенных на станцию, одна лишь убила лошадь. Кой-где побиты стекла, поврежден сарай, да разбиты вдребезги заготовленные для лазарета столы. Надя храбрая, она да еще одна из сестер не пицали и не удирали. Прочти "Русское слово" от 16-го, стр. 3-я, «на австрийско-германском фронте», строка 6-я снизу крупного шрифта. Это станция, не доезжая до Надиной. На все станции этой железной дороги бомбы бросаются, но нигде не достигается значительного успеха. Только на станции, которая лежит между 2-ой из упомянутых в «Русском слове» и нашей, бомбили, было убито и ранено 6 человек и 12 лошадей, но аэроплан подбили, жида повесили (на аэропланах почти всегда летают с немцем-летчиком и жиды), а летчиков забрали в плен. Теперь к нам привезли такие орудия, которые стреляют на 12-15 верст, и немцам придется плохо. Войска рвутся в бой и недавно было всеобщее ликование, так как ожидали энергичного наступления, но шпионы предупредили немцев и теперь пока опять все тихо (до поры до времени). Каждый день, пользуясь дивной, теплой погодой, я совершаю большую прогулку верхом. Поля уже зеленеют, в лесах мало снега, солнце яркое, воздух теплый. Я первый раз встречаю весну в деревне и сейчас упиваюсь этой весной, этим воздухом.

Проезжаю в день от 20 до 40 верст, в зависимости от настроения. Вольноопределяющийся наш привез с Кавказа для меня сапоги. Стоят они 12 рублей, но высокие, очень мягкие и легкие, как перо, а кроме всего, и прочные. Я очень ими доволен. Завтра или послезавтра уезжаю в батарею, куда ты мне теперь и пиши.

Как живешь ты и все наши? Получила ли холст? Напиши – куда ты его денешь? Понравились ли тебе половики и холст?.. Пришли мне с солдатом то, о чем я тебя просил. Скоро пришлю тебе свою фотографию верхом. Целую тебя, тетю, бабуся, дурня Николашку, который мне написал глупое письмо с доброй сотней восклицательных знаков, впрочем, я его сам отделаю.

Твой сын Александр.

Меня сменили из обоза. Вчера, 19-го, я уехал. Был на батарее. Сегодня я был назначен адъютантом дивизиона взамен временно уехавшего в отпуск адъютанта. Все мне завидуют. Чему?! На один месяц (3 недели). Я сейчас пишу под сильным обстрелом.¹⁸

Там же. Л. 23-24.

---

¹⁸ Эта приписка внизу письма сделана, видимо, позднее.

№ 7

К матери

22 марта 1916 г.
Действующая армия.

Моя милая мамочка!

Вечер. Очень тепло, солнышко, яркое. Сажу в землянке у телефона, от которого мне, как адъютанту дивизиона, отходить почти нельзя. То и дело звонят, требуют. Дел очень много, часто ночью будят звонками. Вчера в 10 часов вечера сообщили, что летит дирижабль. Я тотчас приказал всем в деревне потушить огни и через 10 минут началась страшная канонада. В темном, звездном небе мелькала красная, мигающая звездочка, около нее, вокруг, рвались снаряды. Скоро дирижабль был над самой нашей деревней, в зените. В воздухе стала страшная трескотня и свист от наших снарядов. Осколки и пули сыпались вниз, производя звук вроде того, которые производит молоко во время дойки коровы, но только длительней. Одна пуля стукнула меня по груди и оставила красный след на коже, несмотря на гимнастерку. Зрелище удивительно красивое! Скоро точка повернула и стала спешно удирать неверными скачками – очевидно, подбили все-таки! Снаряды рвались очень близко и часто огнем освещали корпус дирижабля – сигарообразный, темный. Этот ночной вор – неприятная штука, но зато уязвим больше, чем аэроплан. Сегодня тоже весь день долбят по аэропланам. Все небо бывает увито дымками от разрывов снарядов, а ловкая птичка удирает, ныряет в эти облачка.

Ну, мамуся, до свидания...

Послал сегодня деньги для получения по аттестату – ты получишь порядком за это время. Ох, пойду посмотреть на дивный закат. Вся землянка красная.

Целую тебя и всех родных,

Александр.

№ 8

К матери

26 апреля 1916 г.
Действующая армия.

Моя милая мамочка!

Я очень рад, что ты, наконец, получила деньги. Мне бы только хотелось, чтобы ты не брала тех 50 руб., которые положены на книжку, – это моя просьба. Дело в том, что я не теряю надежды в самом непродолжительном времени приехать в Москву. Не хочу тебя обнадеживать, но думаю, что это мне удастся. Во всяком случае, пока хлопочу о свидетельстве.

Я целый день теперь занят – это адъютантство не так уж обременительно, но зато нельзя почти отойти от телефона. Заснешь, а под ухом: «т'т'таам» – сейчас же просыпаешься и слушаешь, а потом бежишь докладывать командиру. Но, в общем, я доволен. Командир мой человек не сухой, справедливый и даром никого не обидит. Человек истинно храбрый – я имел случай убедиться в этом. Офицеры его не любят, но ведь кто же может полюбить человека, который, не говоря высокопарных фраз и не подлаживаясь, делает свое дело и других приучает быть достаточно внимательным к своим обязанностям. Мне он нравится, потому что я сам хотел бы во многом походить на него. Он никогда не выходит из себя, не кипит (это в офицерстве считается «дурным признаком» (?!)), а это очень хорошо действует!

Ну, довольно пока об этом. Спасибо тебе за послание, но когда оно еще придет – неизвестно, может быть, очень долго идти будет. Случается, по месяцу идет посылка. Как когда. Я живу превосходно. Был раз у Нади – она здорова, бодра. Завтра съезжу в батарею. Попробую словчиться в отпуск. Не знаю – удастся ли съездить в отпуск на праздники¹⁹ – очень бы хотелось попасть, но старший офицер нашей батареи нарочно оттягивает свою поездку, чтобы ему захватить праздники, и мне останется Фомина неделя, что, конечно, неудобно для тебя. Если можешь, приезжай ко мне на Святой. Я только что говорил с командиром по поводу твоего приезда, и он дал мне много хороших советов. Мы тебе пошлем удостоверение, с которым ты обратишься в Минске к коменданту и будешь просить выдать тебе разрешение для проезда к сыну на позиции, каковое тебе выдадут. А пока я устрою дело с подысканием тебе на позициях помещения. Много увидишь интересного, не пожалеешь о поездке. Покажу тебе немцев, увидишь, как хорошо здесь живется, как легко дышится, какие все здесь бодрые, веселые, не то, что у вас, в тылу.

¹⁹ Видимо, на Пасху.

Вообще эта поездка, кроме удовольствия, принесет тебе еще и пользу. Отпуска нам опять разрешены, так что я надеюсь, что, может быть, отправимся домой вместе, а то еще и с Надей, которая тоже собирается в отпуск, если ее пустят, а пока еще отпуска ей не дают.

Все время у нас стояла превосходная, теплая, солнечная погода, дороги уже просохли, но два дня тому назад вечером началась гроза, холодный ветер, а вчера целый день шел снег. Сегодня опять солнце, но холодный ветер не прекращается. Это, кажется, от ледохода на Двине.

Целую тебя крепко, крепко и желаю всего лучшего.

Мои приветы и объятия бабусям, дедусе, тете, Колям, Оле, Боре и всем, всем родным.

Твой сын Александр.

Если возможно будет, захвати кого-нибудь с собой в поездку на фронт. Может быть, удастся Коле Сынгаевскому²⁰? Ему это сделать легко и я ему тоже тотчас же вышлю удостоверение. Пусть только ответит телеграммой. 2-я гренадерская бригада, прапорщику Жиглинскому.

А.

Там же. Л. 27-30.

---

²⁰ Дядя А.Н. Жиглинского, младший брат его матери, Николай Евгеньевич Сынгаевский.

№ 9

К матери

31 мая 1916 г.
Действующая армия.

Моя милая мамочка!

Ты пишешь, что не получала от меня писем. Однако, с маленьким письмом из Минска, я послал тебе 3 письма. Вот кратко события с моего приезда на позиции: 20-го обсуждали программу спектакля. Наша батарея не стояла в резерве, так как в резерв была поставлена временно другая батарея, у которой был праздник – годовщина батареи. 21-го я был дежурным в передовых окопах, а вечером мы опять стали в резерв. 22-го стало известно, что мы уходим опять на позиции. 23-го мы стояли на позиции и стояли в Ю. 24, 25, 26 и 27-го – на позиции. 26-го ушел из бригады наш командир ...²¹ – его перевели командиром отдельного гаубичного дивизиона. 28-го пришло распоряжение назначить в мортирный дивизион одного офицера из бригады – старшим офицером в мортирную батарею. Назначили меня, но 29-го я упробил командира бригады не назначать меня и пришлось подать рапорт о болезни, чтобы остаться в бригаде. 29-го был наш батарейный праздник²² – молебен, затем праздничный завтрак. На батарейном празднике был вернувшийся из плена капитан – бывший командир нашей батареи. Рассказывал о зверствах немцев над пленными, свидетелем чего он был сам. 30-го утром мы стояли на передовой позиции и с 6-ти часов утра начали сильный огонь. Наши войска вечером пошли в наступление и заняли первую линию немецких окопов. Весь день 12 наших батарей, легких и тяжелых, вели ураганный огонь по немцам, которые удирали из окопов, как зайцы. Наши потери очень невелики, но на наблюдательном пункте в передовых пехотных окопах разрывом снаряда убило командующего батареей Панюшкина, убит разрывной пулей наблюдатель-разведчик Мих., другой тяжело ранен. Оба храбрые люди и бывалые разведчики. Контузило легко вольноопределяющегося Вильсона, – ты его знаешь. Я командовал взводом сзади батареи. У нас разорвался снаряд в орудии. Все обошлось сравнительно счастливо – довольно легко ранен наводчик, орудие все к черту разорвано. У немцев мало артиллерии и снарядов. Я здоров и великолепно себя чувствую. Коле пока нельзя приехать... Пиши и не беспокойся – не пишу, значит, некогда. Целую всех.

Твой Александр.

P.S. Наша пехота показала чудеса храбрости.

Там же. Л. 30-32.

²¹ Фамилия командира вычеркнута военной цензурой.

²² Годовщина создания батареи.

№ 10

К матери

31 мая 1916 г.
Действующая армия.

Дорогая мамочка!

10 часов вечера, уже темно. Вдали гремит канонада – уже часа три без перерыва. Я сижу в землянке, устроенной из погреба разрушенного дома. Кирпичные стены, бревенчатый потолок. Ход сообщения ведет к орудийному блиндажу. На столе – бутылка, увы, молока, хлеб и свеча. Мы сегодня стреляли только утром. Я один на батарее. Офицеры все ушли в Ю., на отпевание штабс-капитана Панюшкина и разведчиков. Мы стоим в разрушенном местечке, справа от нас господский двор, фольварк, где все тоже разбито, разрушено, аллеи, цветники – все изрыто траншеями, ходами сообщений, блиндажами. Гулял по местечку, в траве можно увидеть садовые цветы, салат, огурцы, укроп, мак, всякие культурные овощи – все это вперемешку с бурьяном, лопухами и прочей сорной травой, с обломками кирпича, камней, головнями и углем, расплавленным стеклом. Улицы, изрытые воронками снарядов, по сторонам улиц – разбитые фундаменты домов. За местечком – костел и дом ксендза, перед ними – большой фруктовый сад, с поломанными сучьями, на ветках уже множество маленьких плодов, у корней извиваются ходы сообщения и траншеи. Жителей, конечно, давно нет – да и где же было им жить, тем более, что местечко постоянно под сильным обстрелом. Кругом только солдаты – они ходят по ходам сообщения, купаются в речке, под огнем неприятеля... Из полуразрушенного дома ксендза раздается веселый говор, смех и наигрывает гармошка. В господском саду пышно цветет жасмин, такой благоухающий, белый... Вчера, когда наша артиллерия вела сильный огонь, такой, какого давно, давно уже не было, да, пожалуй, и совсем не было, солдаты повылезали из окопов. На них кричат: «Куда, черти, с ума сошли! Назад!» А те: «Уж очень хорошо артиллерия палит, сердце радуется. Давно уж так не стреляли!»

Ну, однако, я записался. Нужно еще переменить белье, да приготовить батарею к отъезду, мы меняем позиции опять.

Пока до свидания, моя дорогая мамочка. Денег так и нет, не выдавали, сам сижу без копейки. Всех целую.

Твой сын Александр.

Там же. Л. 32-34.

№ 11

К тете – Софье Евгеньевне фон Гибшман

14 июня 1916 г.
Действующая армия.

Милая моя тетя Соня!

Был очень рад получить от тебя весточку. С одной стороны, я вполне понимаю твою теперешнюю горе, но, с другой, ведь у всех матерей или почти у всех, тетя, берут детей. Я сам лично бегал, узнавал везде, нельзя ли пристроить Колю в артиллерию, – оказалось, что невозможно. Ведь теперь даже добровольцем нельзя попасть в артиллерию! Студентов, по выражению одного офицера, гонят в училища и вырваться нет никакой возможности.

Не грусти, тетя, война скоро кончится - мы погоним немцев, как баранов, так, что пятки засверкают, – близко это время, и Коля твой, может быть, и не попадет в эту кашу.

Я живу по-старому. Ем, пью, читаю. Последнее время пристрастился к французской литературе и уже совсем редко приходится прибегать к помощи словаря. В самом непродолжительном времени (если будет только время) займусь основательней стенографией – все лишние знания не мешают.

Война – это совсем не то, что вы себе представляете с мамой. Снаряды, верно, летают, но не так уж густо, и не так-то много людей погибает. Война сейчас вовсе уже не ужас, да и вообще – есть ли на свете ужасы? В конце концов, можно себе и из самых пустяков составить ужасное, – дико ужасное! Летит, например, снаряд. Если думать, как он тебя убьет, да что, как ты будешь стонать, ползать, как будешь медленно уходить из жизни, – в самом деле становится страшно. Если же спокойно, умозрительно глядеть на вещи, то рассуждаешь так: он может убить, верно, но что же делать? Кипеть в собственном страхе, мучиться без мученья? Пока жив – дыши, наслаждайся, чем и как можешь, если только это тебе не противно. К чему отравлять жизнь страхом без пользы и без нужды, жизнь, такую короткую и такую непостоянную?

Не хочу хвастать, но мне уж не так страшно, как раньше, – да почти совсем не страшно. Если бы был в пехоте, – тоже, думаю, приучил бы себя к пехотным страхам, которых больше. Да потом, если думать: «Тут смерть, да тут смерть», – так и совсем страшно будет. Смерть везде, и нигде от нее не спрячешься, ведь и в конце концов все мы должны умереть. И я сейчас думаю: «Я не умру, вот не умру, да и только, как тут не будь, что тут не делайся», и не верю почти, что вообще умру, – я сейчас живу, я себя чувствую, – чего же мне думать о смерти! Каждый день я себя ласкаю надеждой – вот кончится война, как сладко будет вернуться на родину, с сознанием, что и ты служил общему делу, что есть

у тебя, о чем рассказать своим детям, внучатам, что ты был свидетелем такого мирового события, жестокого, кровавого, но редкого, так как вряд ли скоро повторится подобная война, и становится уже не стыдно ни за мать, ни за свою, подвергнутую опасности молодую жизнь, а чувствуется, что у тебя есть все же честно исполненный долг перед Родиной, тебя приютившей и родной твоему сердцу. Если бы я был испанцем, то я бы и рассуждал, как испанец, но я – русский, и всякий русский должен думать подобно. Это не узость, тетя, это не квасной патриотизм, – ведь я пошел не за правительство ставить на кон смерти жизнь свою, за маму, за тебя, за «малую» Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России, что не даром я родился и не даром мать моя отдала мою жизнь, – я и сам за ее покой и счастье готов отдать свою жизнь. А маме кажется, что высшее счастье и для меня, и для нее, если бы я не поступил бы так, как я сделал сейчас, и остался бы около нее. Она не хочет понять, что моя любовь к ней страдала бы от упрека: ты любишь мать, а ты не хочешь страдать за нее! Моя совесть бы не позволила остаться около матери в тот момент, когда другие имеют счастье доказывать свою любовь и преданность, подвергая свою жизнь за жизнь и радость матерей опасности. Почему за счастье и жизнь матерей, спросишь ты. Да потому, что и ты, и мама, и сотни, тысячи матерей – прежде всего русские! Если бы их сыновья не пошли бы на войну, – то что бы было с нашей Родиной? А раз нам дорога Родина, то вы должны радоваться, что ваши дети служат нашему общему счастью и родной стране. Поймите меня, тетя, мама, – ведь это не рисовка, не фразы, – какие тут могут быть фразы, когда не сегодня-завтра и я могу направиться, как и каждый на войне, на тот свет. Это не фразы, это мои слезы, хотя я и не умею плакать, это не самоутешение – это пережитое и перечувствованное. И я надеюсь, хочу всем сердцем, чтобы мои слова от сердца – дошли к вашему, чтобы ваша материнская любовь поняла и оценила нашу сыновнюю жертву, как мы ценим и понимаем вашу материнскую. Я хочу, чтобы вы поняли, что это, – так быть должно, я хочу, чтобы и вы говорили так, вы можете так же говорить, но ваше тело берет верх над духом, а у человека должно быть наоборот! Поймите же меня и не старайтесь ввести меня в отчаяние, в уныние, в желание избежать общей участи и долга, а вникните в самую глубину, в самый смысл моих истин, и мы пойдем тогда друг друга, и мать моя никогда уже не огорчит меня непониманием и слезами. Единственное, что мог я уступить животному страху моей матери, – это то, что я пошел в артиллерию, а не в пехоту.

Ну, мои дорогие, много, много любимые тетя, мама, бабуся, будьте здоровы и пишите горячо вас любящему сыну и племяннику Александру.

Поймите меня!

№ 12

К матери

22 июня 1916 г.
Действующая армия.

Милая моя мамочка!

Третий день идет бой. Сегодня уже много тише, но все же время от времени начинает разгораться перестрелка, а орудия все время порявкивают. Наши пока имели успех – вчера еще заняли высоты, а соседний корпус взял всю первую линию окопов. Окопы немцев очень тщательно отделаны – стенки даже бетонированны. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение – то-то они так отчаянно дрались. Артиллерии у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять – пускают таких «журавлей» – слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками.

Вчера ночью в 2 часа была страшная гроза – небесная канонада, вызванная земной. Лил проливной дождь и выжил меня из палатки, свалив ее прямо на меня. Я – хода из-под развалин, к номерам в землянку, но там не мог уснуть, закусали блохи и комары. Вышел на свет, благо ливень кончился, и с дневальным принялся устраивать себе новое жилище из новой палатки и елок.

Зовут к телефону на управление бригады, опять, вероятно, насчет выпущенных патронов...

Какая неожиданность – звонил Вася²³, он разыскивал меня. Сейчас мы с ним увидимся – командир отпустил меня на полтора часа в Ю.

Видел Васю²⁴. Он выглядит довольно хорошо. Конечно, мы страшно обрадовались, что пришлось так свидеться. Он стоит неподалеку от того места, где стоит сын М.П.-ны. Сын М.П. пишет, что он ждет меня, а я жду его, так как мне более некогда – у нас настроение будто перед грозой – напряженное и ожидающее было все время, и вот теперь бой. Если удастся и если Вася будет стоять на месте, то я после боя съезжу к нему, тогда, может быть, увижу и сына М.П.

Возможно, что меня освободили бы²⁵ так же, как и Колю, но я вполне доволен своей судьбой. Напрасно ты думаешь, что мне плохо живется: я вовсе уж не так «страдаю», как

²³ Василий Евгеньевич Сынгаевский, дядя А.Н. Жиглинского, служил в саперных частях.

²⁴ Письмо закончено после возвращения из Ю.

²⁵ От военной службы.

тебе кажется. Наде следует писать: 2-я гренадерская дивизия, XI отряд В С.З. Союз городов, 2 У летучка – фельдшернице Н.П. Субтильной.

Ну, моя милая мамуся, будь здорова, целую тебя и всех

твой Александр.

Там же. Л. 38-40.

№ 13

К матери

5 июля 1916 г.
Действующая армия.

Милая мамочка!

Я очень удивляюсь, что ты мало получаешь моих писем – я тебе посылал больше, чем писем 5, вероятно, за этот месяц (июнь). Скоро к тебе зайдут мои солдатики и тебе еще принесут мои письма. Вчера был в Н., где сын М.П., его не видал, так как он уехал куда-то. Этот город от Ю. верст 30-35, не меньше, и я теперь вижу, что значит привыкнуть ездить верхом – эти 32 версты я сделал без особого утомления, не слезая с седла. Как странно слышать: «Немецкие разведчики, какие-то. Возьмут в плен...» Да где тут, мамочка, эти разведчики, когда Н. – это уже тыл и такой тыл, что там уже штабы и целый ряд тыловых учреждений. По дороге от Ю. можно видеть мирных жителей. Из одной деревни, расположенной на одном уровне с Ю., которая тоже обстреливается, жители выбирают и прячутся, с наступлением дня, под елочками у железной дороги, где мы с тобой ехали. Туда уже не достигают снаряды – там резвятся ребятишки, пасется скот. Ты все забываешь, что теперь война совсем не то, что прежде. За полверсты от наших проволочных заграждений (вперед, к неприятелю, конечно) не встретишь уже немецких разведчиков, да и наши дальше не заходят. Конечно, в тылу могут быть шпионы, но эти в плен не берут и не убивают. Свободен путь только сверху – по этому пути и ходят разведчики-самолеты. Но эти бросают бомбы только лишь в крупные пункты, как, например, то же З. при П. Надя уже не живет в П., а неподалеку в лесу, так как там слишком пыльно. Их отряд живет в старинном фольварке – барской усадьбе, такой уютной в своем кольце из лип и фруктовых деревьев, кустов жасмина и роз.

Пока что у нас затишье, действий нет, живем в Ю. Когда были бои, то обед и завтрак приносили на позиции вестовые – это уж их забота и обязанность...²⁶ Все пока еще денег что-то не дают – он не зачислен твердо в эту часть и аттестат его не присылают.

Сегодня утром от немцев вылетела целая эскадрилья аэропланов – 18 штук, колоннами, по 6-ти, и полетели на М-к²⁷, S., Н. – бросать бомбы. Наши, конечно, начали их разгонять, подняли страшную пальбу – это было утром. Я так уже привык к этому грому, что даже не проснулся. Ну, мамуся, пойду сейчас спать, уже 24 часа и спать здорово хочется, тем более, что завтра рано вставать – ехать на позицию считать снаряды.

Ну, до свидания. Целую тебя, бабуся, тетю и всех, всех. Остаюсь горячо тебя любящий

твой Александр.

Там же. Л. 40-42.

²⁶ Далее одно предложение неразборчиво.

²⁷ Минск

№ 14

К матери

25 ноября 1916 г.
Действующая армия.

Дорогая и уважаемая матушка моя!

Шлет Вам сын Ваш Александр единоутробный почтение и с любовью низкий поклон, а также и бабушке старой моей с любовью низкий поклон, тетке моей Софии Евгеньевне с любовью низкий поклон и сыну ея Николаю Владимировичу. Деду и бабушке моим, сыновьям их Николаю Евгеньевичу с его невестой, Сергею Евгеньевичу с женой и сыном, Борису Евгеньевичу и Евгению Евгеньевичу с любовью низкий поклон, дочери их, а моей тетке Ольге Евгеньевне с любовью низкий поклон, прислугам нашим Усте и Дуняше с любовью низкий поклон. И всех Вас, дорогие мои родные, от всего любящего сердца обнимаю и целую много раз. А также шлю я мой сердечный привет, крепкий поцелуй, низкий поклон и унижайшее почтение всем моим и Вашим, мои дорогие родители, хорошим знакомым. А в особенности прошу обнять и поцеловать названную дорогую сестрицу мою Надежду Николаевну, милого соловья Зинаиду Павловну и Жоржика Георгиевну. И шлю я им и родителям их мое унижайшее почтение и с любовью низкий поклон. А также желаю всем Вам доброго здоровья, на веки нерушимые. И спешу уведомить Вас, дорогая матушка, что нахожусь я в добром здравии, чего и Вам желаю, письма Ваши получаю, за что сердечно Вас благодарю. А также нашел я в присланной Вами, дорогая матушка, посылке с сохраняющими от холода вещами вкусный шоколад «Эйнемский». Шоколад этот съеден и шлет Вам сердечный привет и с любовью низкий поклон. А также и духи «Сіпескіа», очень даже с запахом и для бритья и носа вполне полезные. А еще пишу я Вам, что нового у меня ничего нет и что стоим мы против немца, а немец этот (чтоб ему ни дна, ни покрывки) супротив нас стоит, и друг мы на друга смотрим и ничего хорошего друг в друге не находим. И отписываю я Вам, что на наблюдательном пункте дежурить очень способно, так что там все одно, что на Средней Пресне жить, разве что скучно. И пишу я Вам, что делать здесь нечего и что утром хожу братцев, младших товарищей, солдатиков обучать стрельбе по еропланам, а вечером дуемся в преферанс и сыну Вашему не везет, – узнайте, мамаша, кто влюбился в меня, и отпишите, – хоть знать буду, за кого мне влетает. Ловчусь на праздник²⁸, если словчусь, – приеду, а не словчусь – ждите на Масляной. И жду от Вас писем и целую Вас, и остаюсь Ваш почтеннейший сын, уважаемая матушка, беспутный Александр.

Там же. Л. 42-44.

²⁸ На Рождество в отпуск.

№ 15

К двоюродному брату – Николаю Владимировичу фон Гибшман

26 ноября 1916 г.
Действующая армия.

*На Среднюю Пресню, в Москву дорогую,
Налево за угол, дом двадцать.
Во двор и направо, в квартиру вторую
Наверх (там ступеней пятнадцать).
Вы в левые двери звоните, стучите,
Отворят, не тратя момента.
Письмо это с фронта прислуге вручите
Для Гибшмана Н.В., студента.²⁹*

* * *

*Днесь брату Николаю, в науке искушенному,
В неистовом зубрении за письменным столом,
«Большуший крокодилище», голодному и сонному
Братишка Алексашка смиренно бьет челом.
Твое посланье милое, хорошее, открытое,
Я получил с посылкою и написал ответ.
Письмо лежит не послано, хотя и не забытое,
По почте же послать его я не решусь, мой свет.
В ближайшем, друже, времени пошлю его с оказией.
Живем однообразно мы, совсем нет новостей.
Играем в проферансию, балуемся мальвазией,
В кругу своем обыденном, в компании гостей.
Стоим напротив мы, а он, змея проклятая,
Чтоб пусто было нечисти, стоит напротив нас,
Пуцаем помаленечку, из пятого в десятое,
А немец реже пуцает: снарядов мал запас.
Зело погода хладная, снегов же нет хождения,
Без душегрея ежится сырая мать-земля.
И всходы нежной озими буреют в обнажении,*

²⁹ Стихотворный адрес на конверте.

*И сумрачны промерзшие и доли, и поля.
Ни ярим добледушием, ни ратною отвагою,
Ни боевою доблестью нельзя наполнить день,
При свечке парафиновой сижу я за бумагою,
Витийствую, пока в постель не сманят сон и лень.*

*Завтра, когда розоперстая Эрос начнет умываться,
Хмурый придет Юлиан, тяжело ступая пятой,
Молвит, за ногу трюся: «Вашродь, пора просыпаться».
Сонный, я буду дрыгать в виде протеста ногой,
Буду ворчать, но будить нужно, во чтоб то ни стало.
Взмаха ноги миновав, он подберется к плечу,
Если и тут не проснусь, – сдернет долой одеяло.
Холод землянки проймет, – тотчас на ноги вскочу.*

*Смотр инспекторский сегодня!
Живо чаю! У ворот
В поводу у ординарца
Меня Васька рыжий ждет.
Васька, фыркая притворно,
Мордой ткнет меня в висок,
Видно, знает, что в кармане
Завалился сахарок.
И по крепкому морозу
Бодр и весел конский ход!
И размашистою рысью
Понесусь на дальний взвод!*

*А потом, после смотра поедем домой,
Хорошо закусить, “le meilleur appetite”³⁰,
Выпить чаю с вареньем стаканчик-другой,
Там пультенку сгонять, граммофон завести.
Глядь – и время пройдет... Ночь тиха и ясна...
Деревушка молчит, кой-где блики огней,
И таинственный свет проливает луна
На остатки халуп, на верхи блиндажей.*

---

³⁰ превосходный аппетит (фр.)

---

*Не лепо ли мне, брате, залечь на боковую?
Уже час первый ночи, сосед мой спит давно...
Собаки где-то лают, за дверью ветер бушует,
И кроткая Селена глядит ко мне в окно...
Итак, прими от брата заочное лобзание:
Надеюсь, скоро буду в объятьях братских лап,
Всем шлет свои приветы, до скорого свиданья,
Вития Алексашка, смиренный Божий раб.*

Личный архив Е.А. Жиглинской. Подлинник.

№ 16

К деду – Е.Н. Сынгаевскому

29 ноября 1916 г.,
дер. Юшкевичи.

ПИСЬМО С ФРОНТА

*Поэту-старiku, согбенному недугом
И тяжким бременем рабочих долгих лет
От внука-воина, почтительного друга,
Горячий искренний привет.
Да! Время тяжкое, большое испытанье
На долю Родины досталось в эти дни,
И многим принесло несчастья и страданья,
А многим выгоды одни.
Всех сил и ценностей идет переоценка,
Что было спрятано таинственно под спуд
На воле и в стенах тюремного застенка,
Явилось на правдивый суд.
Вчера энтузиазм, сегодня все остыло,
Вчера вершила власть – теперь вершит народ,
Из слабых рук судьба берет кормило,
И вокруг челна – водоворот.
Здесь газы и огонь, – там золото, брильянты,
Тут деревянные, безвестные кресты, –
Там гордо властвуют купцы и спекулянты,
А рядом – голод и хвосты³¹.
Но меч уж занесен, рука в могучем взмахе.
Согнулись под мечом предательство и власть.
Не мир идет, но призрак грозной плахи,
Кровавую разинув пасть.
Война пройдет, но распри не остынут:
Так уголья горят под серою золой,
И долго призраки кровавые не сгинут
Над бедной русской землей.*

³¹ Очереди за хлебом.

Но верю я, что время искуплений
Очистит Родину для светлых, свежих сил.
Мы строим колыбель для новых поколений
На основании могил.
И верю я: мы счастье купим кровью.
Пройдет гроза – и на Руси тогда
Взойдет заря над вспаханною новью,
Заря свободного труда.
Есть у меня заветное желанье,
Чтоб в эту полосу сомнения и бед
Так стойко выносить и горе, и страданье,
Как выносил мой дед.
Тебя за горести судьба вознаградила
Такою крепкою и дружною семьей,
И тою, что с тобой все пополам делила:
Действительно «подругою-женой».
Создать семью! (Теперь их разрушают.)
И душа в душу жить почти полсотни лет!
И с будущей женой я так же жить мечтаю,
Как жили бабушка и дед...
По-прежнему идут, сменяясь, дни, недели,
По-прежнему орудий редкий гром,
Окопы серые и серые шинели,
И серо все кругом.
Настанет ночь, в глубокой тьме сверкает
Далеких выстрелов невнятный полусвет,
И лужицы болота сотрясает
Дрожащий блеск ракет.
Окрестность потрясет нежданный гул разрыва,
Татакнет пулемет... и снова тишь, покой,
Лишь шарит по полям беззвучно и шкодливо
Прожектор жадною рукой.
А утро раннее появится с морозом,
Затянет лужицы стеклянным, хрупким льдом.
Хрустят колесами тяжелые обозы,
Землянки курятся дымком.

---

*Ноябрьский ясный день, все инеем красиво
Разубрано: халупы, серый стог,
И провода над серебристой нивой,
    Как белый бархатный шнурок.
Так скучно целый день, и очень редко книги.
Друг другу каждый трижды надоел.
Безделье и покой – тяжелые вериги,
    И тщетно жаждешь дел.
Претит унылая о старшинстве, ловченьи,
О ранах, орденах тягучая молва,
И грезится в мечтах и сновиденьях
    Родимая Москва.
Ну, вот и все... До скорого свиданья,
Бабуся милая и мой хороший дед.
Целую всех и шлю всем пожеланья
    И искренний привет.*

Личный архив Е.А. Жиглинской. Подлинник.